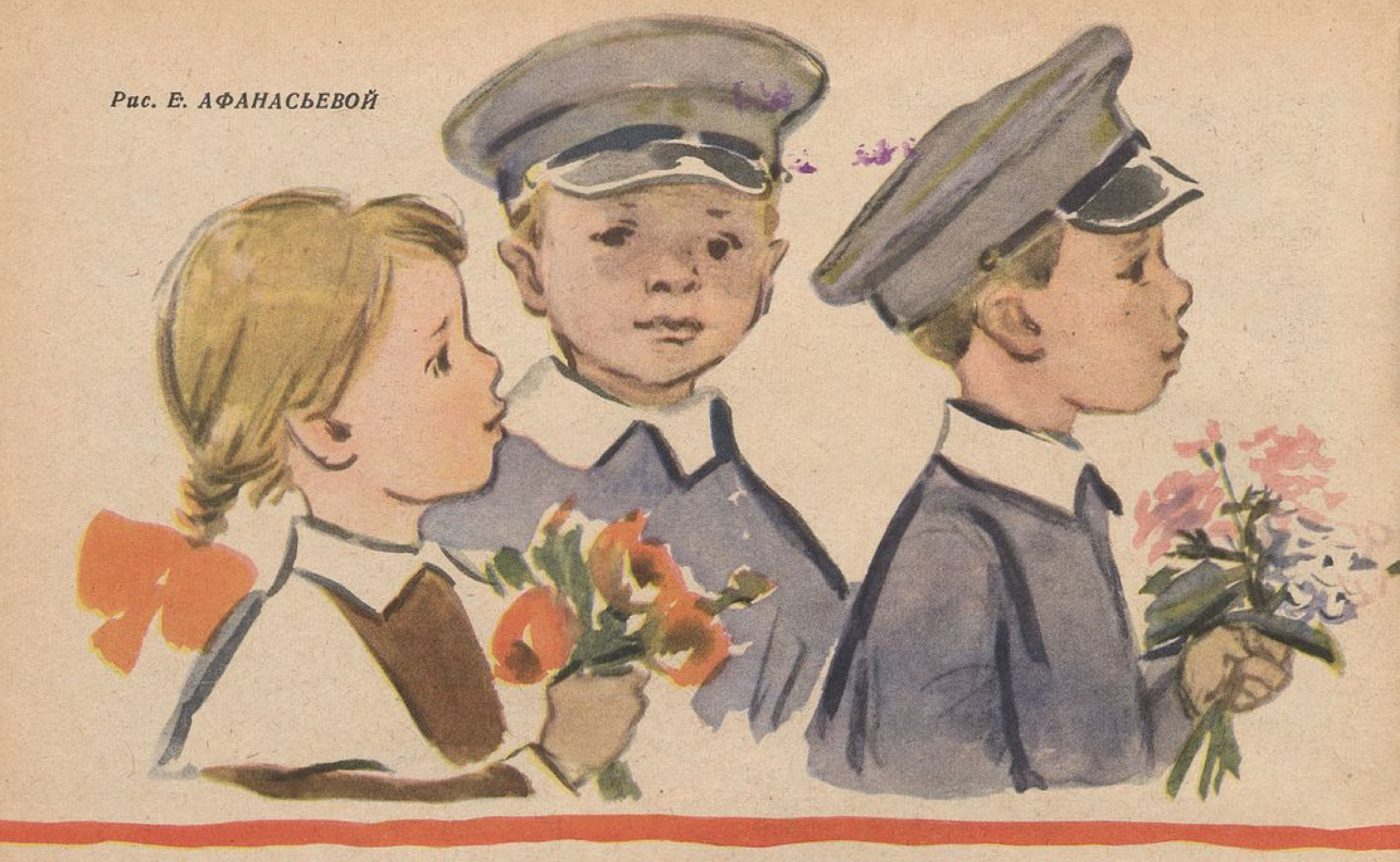
МУРЗИЛКА

Журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации
имени В. И. Ленина для октябрят

Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ

ПИСЬМО ПЕРВОКЛАССНИКУ

Мой дорогой друг! Поздравляю тебя! Вот и ты стал совсем большим. Вот и ты стал школьником. Задача перед тобой стоит важная и трудная: научиться писать, читать и считать.

Все люди на Земле — лётчики и агрономы, рабочие и моряки, колхозники и артисты — начинали учиться с такой же палочки, как в твоей тетради, с первой буквы на доске, с первого слова в букваре.

Но в школе ты станешь не только грамотным человеком — ты научишься дружить. Стать дружными вам помогут учитель, пионеры, октябрятская звёздочка, у которой важное правило — „Октябрята — дружные ребята". Тогда класс будет не просто классом, а коллективом.

Коллектив может многое сделать. Вот, к примеру, космический полёт. Разве один человек сумел бы его подготовить? Конечно, нет. Дружный коллектив конструкторов, рабочих, биологов немало потрудился, прежде чем космический корабль был готов к полёту. Конструкторы рассчитали корабль, рабочие построили его, учёные-биологи придумали, как защитить лёт-

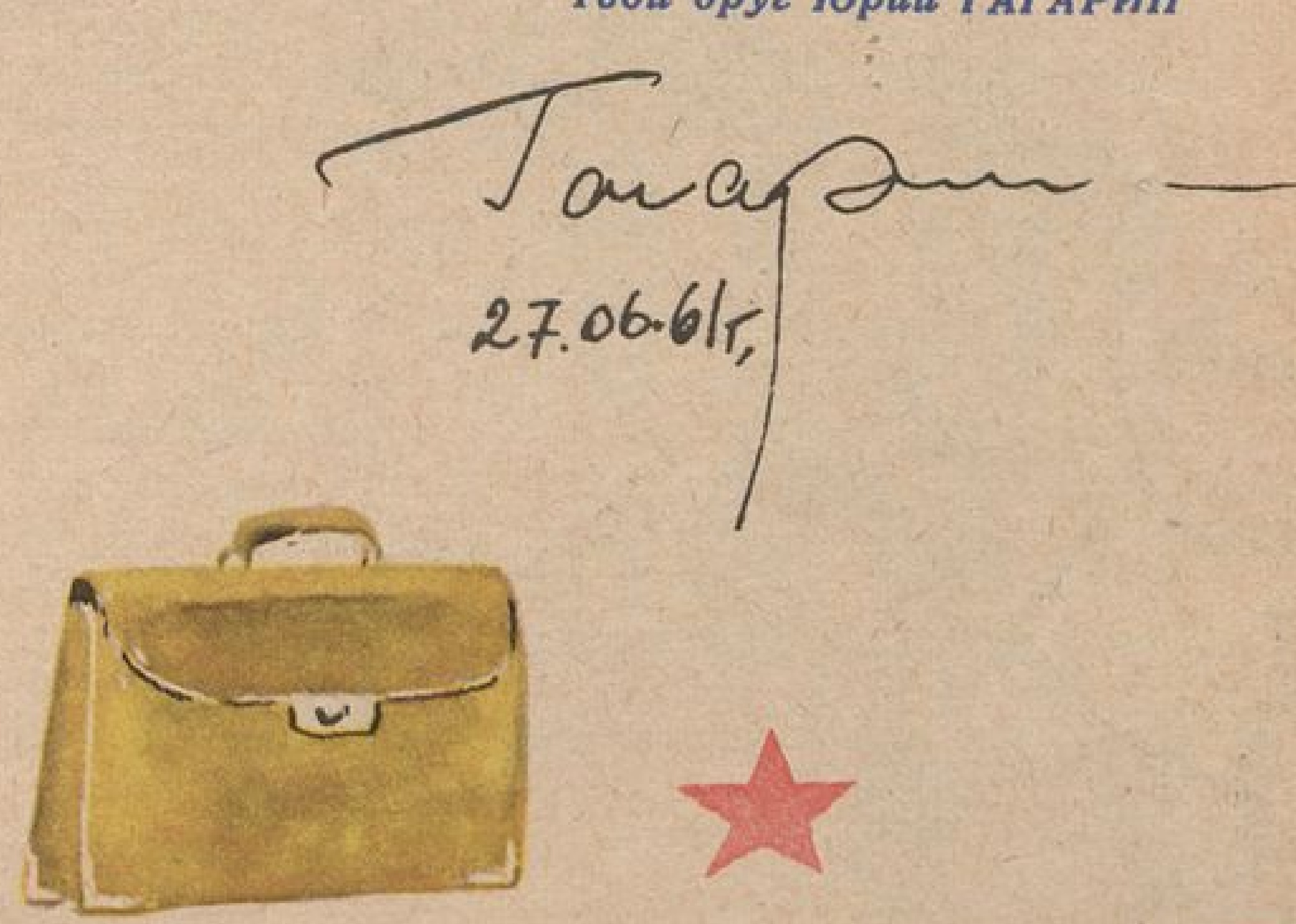
чика от вредных космических лучей.

В коллективе все болеют за общее дело, заботятся друг о друге. „Один за всех, все за одного“ — есть такое хорошее правило у советских людей.

Двенадцатого апреля в кабине корабля „Восток“ я был один. Но я был за всех: за учёных, конструкторов, рабочих, биологов. А все были за меня: лётчики помогали мне советами, врачи по приборам следили за моим самочувствием, а работники радио позаботились о моём настроении: специально для меня они передавали песни, марши, музыку. Там, высоко над Землёй, я не чувствовал одиночества. Я знал: за меня вся моя страна.

Дорогой друг, если у тебя будут трудности и даже неудачи, тебе всегда поможет коллектив. Будь и сам хорошим товарищем: добрым, честным, справедливым. Желаю тебе счастья, здоровья, успехов в учении.

Твой друг Юрий ГАГАРИН

Кремль. Здесь, в кабинете Никиты Сергеевича Хрущёва, 7 августа раздался телефонный звонок. Никита Сергеевич взял трубку. Он уже знал, что звонит лётчик-космонавт Титов, только что вернувшийся из удивительного полёта. Это он на корабле «Восток-2» за одни сутки совершил 17 кругосветных путешествий!

Ласково, как отец, улыбнулся Никита Сергеевич и сказал молодому лётчику с уважением:

— Слушаю вас, Герман Степанович. Здравствуйте, сердечно поздравляю!..

Майор Титов рассказал, как проходил полёт, как работали механизмы ракеты и как хорошо встретили его на Земле товарищи.

Весной Герман был ещё комсомольцем, а потом его приняли в кандидаты партии. Как и все другие кандидаты, он мог стать членом партии не раньше чем через год. За этот год он должен был доказать товарищам, что достоин быть настоящим коммунистом.

И вот он слышит, как Никита Сергеевич говорит ему:

— Вы осуществили мечту человечества... Мы гордимся тем, что вы, советский человек, коммунист, сделали это. Вы теперь уже не кандидат в члены партии. Считайте, что ваш кандидатский стаж уже истёк. Потому что каждая минута вашего пребывания в космосе может засчитываться за годы. Вы свой кандидатский стаж в члены партии уже прошли и показали, что вы — настоящий коммунист и можете высоко держать знамя Ленина!

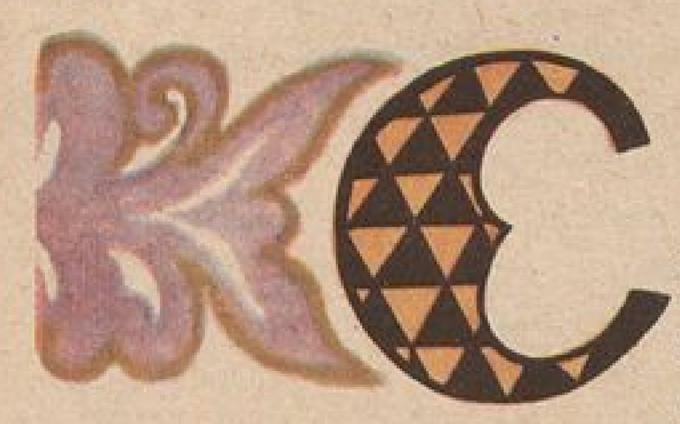
Вот какие отважные герои вырастают у нас в стране из самых обыкновенных пионеров и комсомольцев!

С. ГУЩЕВ

ДЕТСТВО ТАРАСА

Дмитро КРАСИЦКИЙ — *Рис. О.* КОРОВИНА

Из книги о великом украинском поэте Тарасе Григорьевиче Шевченко

олнце сегодня как будто и всходило не так, как всегда. Не успело оно заглянуть сквозь окно в хату, как Тарас подхватился с постели, наскоро оделся. Мать подарила его улыбкой. Она говорила, словно пела. Слова её были такие ласковые, нежные. Голубые глаза светились, морщинки разгладились. И лицо выглядело совсем молодым. Мать суетилась — ведь сынок сегодня впервые пойдёт в школу, в науку к дьяку Рубану.

Вот и дед Иван переступил порог. Поздоровался.

— Ну ладно! Я вижу, что Тарас уже собрался. Так, может, и пойдём, чтобы не опоздать?

Тарас только того и ждал. Мать пригладила ему чуб, надела новую шапку, купленную в Вильшане, повесила через плечо сумку, куда был положен букварь.

— Счастья тебе, сынок, с лёгкой руки деда Ивана, учись хорошенько!

Дед Иван мерял палкой улицу, быстро шагая прямиком к выгону. Тут, среди выгона, стояла одинокая хата дьяка Рубана.

Увидев через окно Ивана Шевченко, который шёл с мальчиком в школу, дьяк вышел к ним навстречу.

— Здравствуйте, с понедельником вас! — поздоровался дед. — Вот я вам, пан дьяк, в науку хлопца привёл.

— А, это сын Григория Шевченко? Заприметил, заприметил. Это тот, что пел «Лугом иду, коня веду»? Хороший певец, хороший... — дьяк смотрел на Тараса, а тот стоял, мял в руках шапку и не знал, куда деть глаза, куда спрятать руки. — Ну, коли так, принимаем в школу.

Дьяк открыл дверь и пропустил Тараса в сени.

— Проходи, проходи в хату. Там уже есть такие, как ты.

Тарас из сеней вошёл в небольшую хату. Посредине стоял стол с двумя скамейками. Около стен — лавки. Налево — печь без лежанки, на стене — полка для посуды. А в углу сверху донизу иконы: одни чёрные, даже трудно разобрать, что на них нарисовано, другие блестящие, как в церкви.

Ребята обрадовались, что пришёл Тарас, а больше всех обрадовался Данило Бондаренко, верный его друг. Ребята сразу подняли спор между собой, где сядет Тарас. Школа могла вместить лишь десяток учеников, хотя мальчиков в селе была не одна сотня. Девочек совсем не учили.

Открылась дверь, и в школу вошёл дьяк Павло Рубан.

Тарас стоял среди хаты, а ребята так и прилипли к скамейкам, склонившись над столом.

Куда сядет Тарас?

— Данила, подвинься! Вот твоё место, садись! — сказал дьяк Тарасу, и урок начался.

— Аз! Буки! Веди!

Трудна грамота, а дед наказывал: приглядывайся, запоминай. Тарас весь напрягся — так ему хотелось скорее научиться читать, писать и рисовать.

* * *

Недолго пришлось Тарасу ходить в школу. Умерла любимая мать, отец женился на сварливой, глупой женщине.

И Тарасово ученье кончилось. Он остался дома: пас скотину, помогал по хозяйству.

Так прошло несколько лет.

Мачеха не любила Тараса. Всё ей было плохо, всё ей было мало.

Один раз, в воскресенье, мачеха пришла из церкви в хорошем настроении.

— Тарас, приберись, сейчас к нам пан дьяк придёт.

И правда, вскоре пришёл дьяк Петро Богорский. Он поздоровался с мачехой, сел за стол, угостился вишнёвой наливкой и вкусно пообедал. Мачеха всё угощала:

— Ешьте на здоровье, прошу вас.

А дьяка и так от миски за уши не оттащишь.

— Ну, так где же ваш Тарас?

— Да вот он, пан дьяк... — и вытащила парнишку из-за печки на середину хаты.

— Подойди ко мне, дитя, — сказал дьяк, подставивши руку, чтобы Тарас поцеловал.

От руки пахло свечками и ладаном.

— Пойдёшь ко мне жить. Хозяйство у меня немалое, работа найдётся. За свиньями, за коровами, за лошадьми глядеть будешь, рожь будешь молотить. А зимой учить тебя дальше псалтырю буду и писать научу.

Когда дьяк заговорил про лошадей, коров и свиней, у Тараса защемило сердце. Но при последних словах, хотя дьяк и сказал их тихо, у мальчика засияли глаза. Ради грамоты он на край света пошёл бы.

— Что ж, пойдёшь ко мне?

— Пойду.

— А слушаться меня будешь?

— А как не послушается, пан дьяк, так у вас, может, найдётся вишнёвая розга?

— За этим дело не станет: и вишнёвая и берёзовая каша будет.

— То-то, Тарас, слушайся пана дьяка, он на добро тебя направит и всякой работе научит. Он у нас, пан дьяк, не ленивый, что хочешь сделает. Только беда — упрямый, как бык, и с книжкой не расстаётся. Книжка ему мозги забивает.

— Это неплохо, если книжку любит. Книжка веселит сердце, как вот эта наливочка, — дьяк смаковал уже из второй бутылки сладкий напиток.

— Собирайся, Тарас! Пойдём ко мне! С этого часа ты уже мой батрак.

По улице Кирилловки широко шагал пан дьяк, а за ним рысцой бежал Тарас. К сердцу он прижимал большую книгу — псалтырь, а в другой руке держал котомку со своей одеждой — всё свое богатство.

...Началось житьё Тараса в людях. Целый день он работал, а спать ложился на жёстком полу, без подушки, положив кулак под голову. В животе бурчал вчерашний кулеш, а чаще всего ложился Тарас голодным. Дьяк, бывало, говорит: «Сытый человек неповоротлив, а ты, Тарас, волчком кружишься — зачем тебе еда?»

Так и жил Тарас, забывая про еду.

Первое, что задал дьяк, — это молотить просо, ячмень, овёс.

Долго Тарас не умел орудовать цепом, не слушался его цеп, так и норовил хлопнуть по лбу. Легче было молотить катком. Раскидает на току толстым слоем просо, запряжёт пару лошадей в каменный круглый каток и кружит целый день, пока зерно не высыплется; потом подберёт солому, полову и зерно. Снова настелет снопов да и гоняет лошадей по кругу.

Так, глядишь, вёрст сорок и отшагаешь по току за день. Рук не чувствуешь, ноги как не твои, в спине будто кол торчит. Вечером даже и есть не хочется, и измученный молотильщик припадёт к земле и спит крепким сном.

Настала зима, а работы у Тараса по-прежнему по горло. Надо накормить скотину, напоить, навоз выкинуть, между делом снег размести, дров нарубить, печку истопить, корму свиньям отнести. Так с утра и до вечера в работе. Некогда и за книжку сесть, а охота была большая почитать псалтырь.

На часок зайдёт Тарас в комнату-школу к друзьям, почитает немножко. А дьяк снова гонит на работу. «Пойди принеси, отнеси, почисть, поруби, подай!» — только и слышал Тарас.

Гудит сердитый ветер, рвёт обшарпанные полы свитки маленького дьякова батрака, который несёт скотине воду из колодца. Подпоясанная полинявшим красным поясом свитка, видно чейто обносок, свисает с его худеньких плеч.

Из-за пазухи выглядывает какая-то книжка в кожаном переплёте — может быть, часослов. Облезлая овечья шапка, верно дедова, налезает на глаза. Рваные сапоги напоминают гусиную лапу.

Большие вёдра чуть не половину колодца зачерпнули, коромысло гнулось под ними, врезалось в плечи так, что руки деревенели.

Трудно было Тарасу. Задумается иногда над своей долей, тяжело вздохнёт. И загудит, завоет сердитый ветер, будто сочувствует этому тяжёлому вздоху бесталанного сироты.

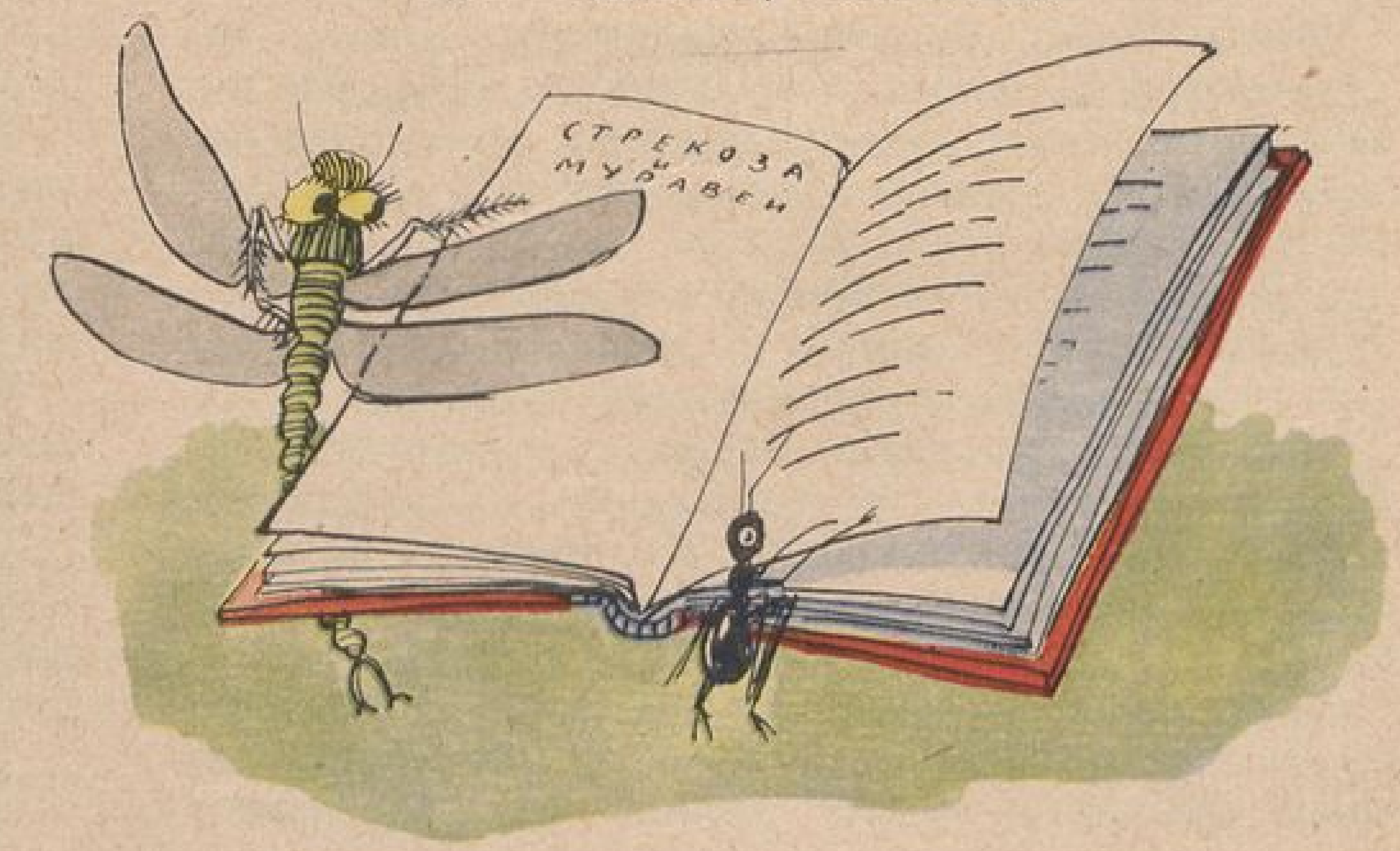
Перевела с украинского
Л. ВОРОНКОВА

И. А. Крылов

СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол, и дом.
Всё прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настаёт;
Стрекоза уж не поёт:
И кому же в ум пойдёт
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползёт она:
«Не оставь меня, кум милой!
Дай ты мне собраться с силой,
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!»
«Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?» —
Говорит ей Муравей.
«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас
Песни, резвость всякий час,
Так, что голову вскружило».
«А так ты...» — «Я без души
Лето целое всё пела».
«Ты всё пела? Это дело:
Так поди же, попляши!»

ЛЕБЕДЬ, ЩУКА И РАК

Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдёт,
И выйдет из него не дело, только мýка.

Однажды Лебедь, Рак да Щука
Везти с поклажей воз взялись,
И вместе трое все в него впряглись;
Из кожи лезут вон, а возу всё нет ходу!
Поклажа бы для них казалась и легка:
Да Лебедь рвётся в облака,
Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.
Кто виноват из них, кто прав, — судить не нам;
Да только воз и ныне там.

Рис. А. КАНЕВСКОГО

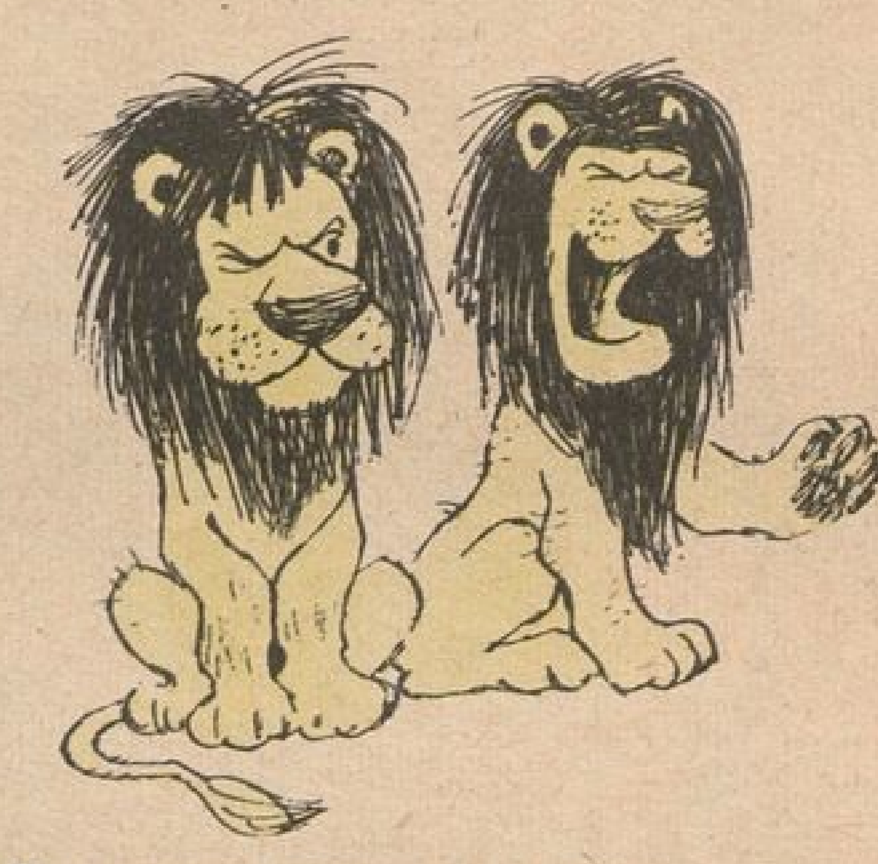
О СЛОВАХ РАЗНООБРАЗНЫХ,

Яков КОЗЛОВСКИЙ
Рис. В. ЧИЖИКОВА

Сев в такси,
Спросила т а к с а:
— За проезд
Какая т а к с а?

А водитель:
— Денег с т а к с
Не берём совсем.
Вот т а к-с!

Говорили тиграм л ь в ы:
— Эй, друзья,
слыхали л ь в ы,
Что не может н о с о р о г
Почесать свой н о с о р о г?

Солнце прячется з а б о р.
Котофей Иваныч
Залезает на з а б о р,
Прогуляться на ночь.

Рад-радёшенек Егорка,
Услыхавший треск с т е к л а:
Пролилась на стол касторка,
Со стола на пол с т е к л а.

Много ль вёрст проскачешь в д е н ь —
Широки просторы.
Ну-ка, ногу в стремя в д е н ь,
Дай гнедому шпоры!

На виду честного л ю д а
Трусит с горки съехать Л ю д а,
А у Сани, а у С а н и
С горки сами
Мчатся с а н и!

Из книги „О словах разнообразных, одинаковых, но разных"

ОДИНАКОВЫХ, НО

Стрела, остра и зелена,
Растёт на грядке лука.
К тому же так пряма она,
Что хоть пускай из лука.

Отцвели настурции,
Парк осенний гол.
Не обыграть нас Турции:
Вбиваем третий гол!

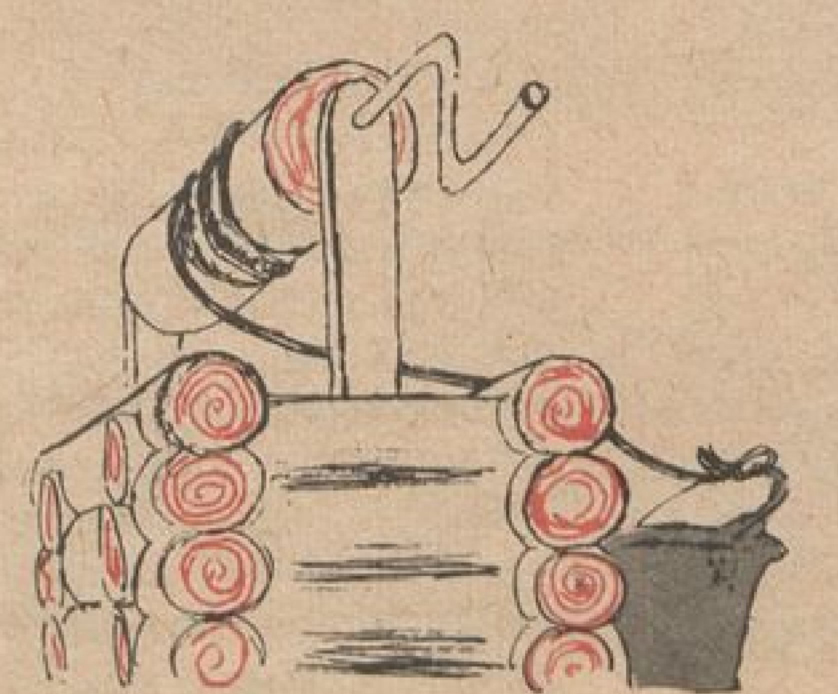
Хороша у Алёны коса,
И трава на лугу ей по косу.
Скоро лугом пройдётся коса:
Приближается время к покосу.

Возвращаясь под вечер с поля,
Потеряла серёжку Поля.
Ту серёжку нашёл Серёжка,
Прибежал,
постучал в окошко:
— Отыскалась твоя серёжка!

В размышлениях о кошке
Посидел он на окошке,
Посмотрел на потолок,
Воду в ступе потолок.

Тили-бом, тили-бом,
Загорелся кошкин дом.
По такому поводу
Кот помчался по воду.

ЧЕТЫРЕ ФОТОГРАФИИ

Перед тобой четыре фотографии. На них сфотографированы дети — твои ровесники, но живут они не в Советском Союзе, а в разных странах мира.

1. Представь себе: утром ты встал и собираешься в школу. А тут твоя мама говорит: «Сегодня в школу не пойдёшь. Будешь на улице продавать газеты, в доме не осталось денег на еду!»

Вот бы ты удивился!

А этот маленький мальчик ничуть этому не удивляется. Он живёт в небольшой северной стране Исландии и, как многие исландские мальчики, зарабатывает деньги продажей газет.

Он стоит с тяжёлой пачкой свежих газет. Эх, как хочется ему побыстрее продать эти газеты, вернуться домой, напиться горячего кофе и лечь спать!

Нелегко ведь каждый день вскакивать с постели в шесть утра и нестись по городу под дождём, или в мороз, или в сильный ветер.

1

2

2. Эта девочка живёт в городе Новый Орлеан, в Соединённых Штатах Америки. Она идёт в школу. В самую обыкновенную школу. Но почему же тогда её охраняет полиция в полном вооружении, в касках!

Дело в том, что эта девочка идёт в школу, где дети белых и негров учатся вместе: сидят за одной партой, играют в одном дворе, едят в одном буфете. А многим «белым» американцам это не нравится. Они не хотят, чтобы их дети дружили с неграми.

Полиции приходится охранять девочку, потому что многие из тех, кто ненавидит негров, могут задержать её или даже избить.

3. Кто из вас не слыхал про остров Кубу, про отважных кубинских революционеров и их вождя, бородатого богатыря Фиделя Кастро!

Это они принесли кубинцам свободу, а их детей отправили в школы.

Раньше, до революции, дети простых рабочих, крестьян, рыбаков не учились.

4. Эти три девочки — японки. Видно, они хорошие девочки, потому что заботятся о своих младших братьях и сёстрах. Видишь, они по японскому обычаю носят их на спине. Но только все девочки стоят к нам спиной. Им не до фотографа, который их снимает. Они смотрят на школьный двор: там играют в какую-то очень интересную игру школьники.

Вот бы им тоже поиграть! Но в школу их никто не пустит, они все не учатся. У них нет денег, чтобы платить за школьные занятия. Да и маленьких не с кем оставить дома.

3
4

Андрей ШМАНКЕВИЧ *Рис. А. ЕЛИСЕЕВА, М. СКОБЕЛЕВА*

СУХИЕ СЛЁЗЫ

Вы думаете, моему тёзке Андрейке мало лет? Ошибаетесь. Ему уже стукнуло пять, а через полгода стукнет ещё раз, и будет уже шесть.

А что такое шесть лет? Это уже почти первоклассник! Это уже не лей слёз по всякому пустяку. И Андрейка не лил слёз по пустякам. Можете спросить у мамы. Вот недавно взялся он рукой за горячую сковородку с картошкой. Плакал он тогда? Нет... Они, конечно, были, слёзы, в самых уголках глаз, но Андрейка не пустил их дальше.

— Ой! — сказал он и хватился пальцами за мочку уха.

Так научила его делать бабушка, когда приезжала в гости. Хватишься за ушко — не будет ожога. Весь жар перебежит в мочку, и сразу легче станет.

Со сковородкой случай произошёл на старой квартире, ещё когда они жили на Таганке в маленьком деревянном доме, в одной комнатке за кухней. На Таганке везде было тесно: в комнате тесно, на кухне тесно, во дворе тесно, в переулке две машины еле разъезжались; детский сад, куда ходил Андрейка, был тоже маленьким: всего пять комнат, и только детский парк имени Прямикова был, как казалось Андрейке, беспредельно просторным; кусты и деревья в нём было трудно пересчитать. Кто-то говорил, что их было чуть ли не сто, а другие уверяли — около тысячи.

Но когда они переехали на новую квартиру и Андрейка впервые глянул в окно, то увидел сразу столько деревьев, что запрыгал от радости.

— Ой, мама! Значит, мы как в деревне теперь жить будем? Прямо в лесу?

— Это не лес, а такой большой парк... Измайловский. Гуляй в нём, сколько твоей душеньке угодно... — сказала мама.

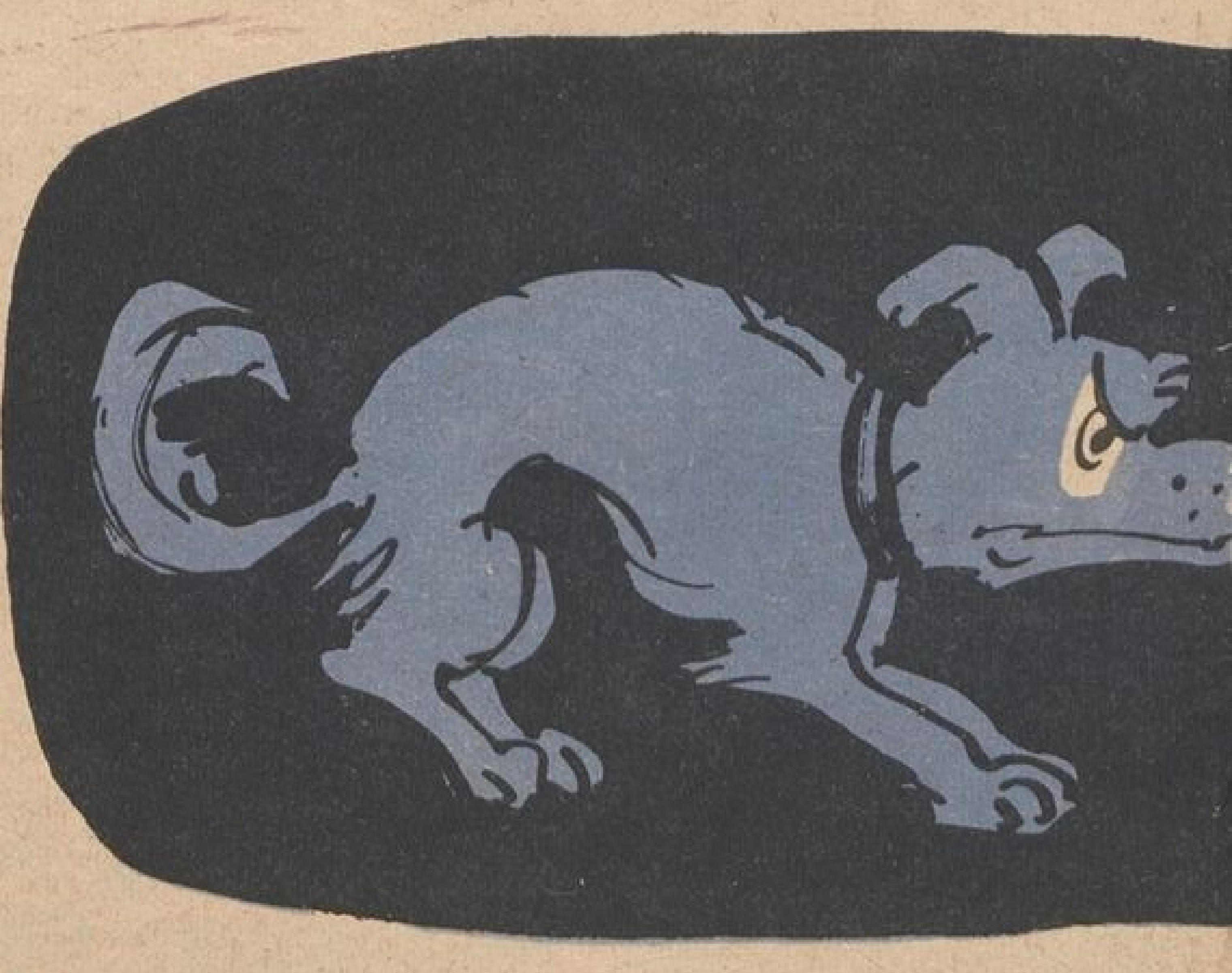
Андрейкиной душеньке захотелось гулять в парке немедленно. Однако мама повела его не в парк, а в новый детский сад.

— Гулять ты будешь ходить вместе со всеми ребятами из детсада, — сказала она.

Новый детский сад был не в доме, в котором жильцы живут, а в одноэтажном красивом домике, стоявшем за большими домами, у самого парка, так что любопытные ветки деревьев заглядывали к ребятам в окна. Это очень понравилось Андрейке, и он сказал маме:

— Мы всё время будем в парк ходить. Только ты не бойся, что я буду там бояться. Меня сегодня во сне большая собака видела, и я ни капельки не забоялся...

Мама похвалила Андрейку за храбрость, открыла дверь, и они вошли в приёмную детсада. И тут вдруг на Андрейку напала робость. Он не ожидал, что в новом детском саду всё будет так незнакомо. Ему думалось, что внутри дома будет всё так же, как и там, на Таганке. Переехали вот они на новую квартиру, так ведь и все вещи с ними переехали. Переехала Андрейкина кроватка, мамина кровать, шкаф, диван, даже кошка Мурка переехала. Одни со-

седи остались на старой квартире... А тут, в новом саду, Андрейку встретила совсем незнакомая няня, чужие окна и чужие двери были перед ним, чужие столы и стулья, ребята: мальчики и девочки, которых он совершенно не знал.

Раньше на его вешалке и на его шкафчике был нарисован красный грибок — мухомор, а тут няня сказала ему:

— Вот, Андрюша, запомни свой герб! Что тут нарисовано?

Андрейка отлично видел, что нарисован огурчик с листиком, но няне он ничего не сказал, опустил голову и засопел, как ёж.

— Ты, может быть, никогда не ел огурчики? — спросила няня.

Но вот в приёмной появилась ещё одна новенькая со своей мамой. Мама была сердита, а дочка, наверное, всю дорогу до детсада проревела.

— Я не люблю огурчики, — зачем-то сказал неправду Андрейка. — Я мухоморы люблю...

— Вот чудеса! — всплеснула няня руками. — А я думала, что мухоморы одна баба-яга любит... Что же нам теперь делать? Мухомор уже занят... Может быть, так сделаем: я познакомлю тебя с девочкой Шурой, это её мухомор, и вы с ней тогда поменяетесь...

Андрейка прикинул в уме: а стоит ли меняться на мухомор, если его ест только баба-яга?

— Не буду меняться! — ответил он.

— О! Да ты, оказывается, капризуля... — сказала няня. — А в нашем саду капризуль не любят. Посиди вот здесь, а я узнаю, в какую группу тебя отвести.

И тут Андрейке стало совсем не по себе. Он вовсе не желал быть капризулей. От такого расстройства у него помимо воли навернулись такие две слезищи на ресницах, что вот-вот должны были сорваться и проложить дорогу другим слезам. Мимо Андрейки пробегали всё новые и новые мальчики и девочки. Они с любопытством поглядывали на него и, наверно, про себя усмехались, видя на Андрейкиных ресницах такие две слезищи.

— Да перестань же ты плакать! Видишь же, что не в больницу я тебя привела, а в детский сад... Смотри, вот сидит мальчик и не плачет...

— Нет, он тоже плачет! Ему тоже страшно! — закричала девочка, перестав на секунду реветь. — У него тоже слёзы капают...

— Да какие же это слёзы? Это же сухие слёзы... Сейчас они высохнут, и следа не останется... А ты ревёшь, как царевна Несмеяна, в два ручья, хоть вёдра под каждый глаз подставляй...

— Всё равно он тоже плачет, ему тоже страшно!.. — не сдавалась девочка.

Тут уж Андрейка не выдержал. Он соскочил с дивана и сказал:

— Неправда! Я ничего не боюсь... Меня сегодня во сне большая собака видела, и я всё равно не забоялся!

И тут словно произошло чудо: девочка перестала реветь и уставилась на Андрейку, потом подошла к нему совсем близко, заглянула в глаза и спросила:

— А куда ты дел свои слёзы? Они у тебя на самом деле сухие?

Андрейка потрогал пальцами ресницы, и сам удивился — глаза у него оказались совершенно сухими.

— Они высохли! — сказал Андрейка с гордостью, взял девочку за руку и добавил, как человек, видавший виды: — Пойдём, я покажу тебе свой шкафчик с огурчиком... Тебе мы тоже выберем какую-нибудь картинку, а потом я отведу тебя в группу.

Девочка торопливо вытерла рукавом глаза, последний раз всхлипнула и сказала:

— Пойдём...

ПЕСЕНКИ ГАНЫ

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, замолчи,
На тебя, крикуна,
С неба глядит
Золотая луна.
Я от луны
Отколола кусок.
Он у тебя
За щекою, сынок.

Если заплачешь —
Откроется рот.
Выпадет он —
И никто не найдёт.

МИЗИНЧИК

Маленький Мизинчик
Плачет, плачет, плачет.
Безымянный не поймёт:
Что всё это значит?
Средний пальчик очень
важный,
Не желает слушать.
Указательный спросил:
— Может, хочешь кушать? —
А Большой бежит за рисом,
Тащит рису ложку,
Говорит: — Не надо плакать,
На, поешь немножко!

РАЗГОВОР С РЕКОЙ

— Чёрная Вольта,
Большая река,
Идёшь ты откуда?
— Издалека.

— Что принесла ты?
— Воды для полей.
Сколько хочешь, возьми
И посевы полей.
— Чёрная Вольта,
Куда ты спешишь?
— К людям спешу,
Любопытный малыш.

ПТИЧКА

Летаю я, летаю,
Пою, пою, пою,
Я гнёздышка сегодня
Не вью, не вью, не вью.

Когда наступит завтра,
Я буду строить дом,
Но только не сегодня —
Потом, потом, потом...

Весной этого года пришлось мне встретиться с делегацией женщин Ганы, гостившей в Советском Союзе. Эти стихи я написала, услышав от наших гостей народные песни Ганы на красивом, звучном языке фанти.

И. ТОКМАКОВА

Рис. Л. ТОКМАКОВА

Спешит курьерский поезд
За солнышком вослед.
На этот дальний поезд
Вручили нам билет.
Мы Родину-красавицу
В окошко разглядим.
Наш поезд продвигается,
Наш поезд называется
«ЭКСПРЕСС
НОМЕР
ОДИН».
На Енисей приехали
Мы в город КРАСНОЯРСК.
Мы в гости к вам приехали,
Встречайте нас!

Утром мы увидели широкую реку. Это был Енисей — великая сибирская река. По реке мчалась «Ракета» — теплоход на подводных крыльях. Мы решили на нём прокатиться по всему Енисею с юга на север.

Собрали пожитки, на самолёте долетели до Минусинска, уселись на теплоход; а когда тронулись, случилась беда: такой ветер поднялся, что у художника сдуло за борт и краски, и кисти, и цветные карандаши. Тогда мы достали у штурмана клей, у буфетчицы попросили маленькие ножницы и все, какие у кого были, цветные бумажки принесли художнику. Он из бумажек вырезал картинки и наклеивал их на большой лист.

В Минусинске грузили на баржу арбузы, выращенные здесь, в Сибири. Наш художник вырезал и наклеил арбузы. Потом наклеил старинную русскую крепость — Караульный Острог. Шушенское не на самом Енисее стоит, но всё-таки близко. Наш художник бывал там. Он вырезал домик, в котором жил Владимир Ильич Ленин в годы ссылки.

А тут и Красноярск показался. И мы решили ехать дальше на простом бескрылом теплоходе. А то промчишься так и ничего не разглядишь.

Перед Красноярском мы видели, как строят самую мощную в мире ГЭС. Когда её закончат,

КРАСНОЯРСК

Енисей разольётся на десятки километров в ширину, на сотни в длину. В Красноярске «Ракета» причалила. Мы пошли в город. Там видели целые улицы новых домов, огромные заводы и новый высокий мост. Потом на речном вокзале сели на большой теплоход.

Красноярцы очень любят свой речной вокзал. Тут они гуляют в свободное время, сидят на широких террасах, смотрят на реку, на корабли. И когда в Брюсселе открылась Всемирная выставка, красноярцы сделали макет своего вокзала и послали туда.

На выставке люди со всех концов мира разглядывали красноярский речной вокзал. А когда вернулась модель с выставки, вместе с ней привезли в Красноярск Большую медаль, полученную в Брюсселе.

По берегам стояла тайга. Мы всё ждали, что медведь выбежит из леса, а выбежали пионеры. Там в тайге есть, оказывается, пионерский лагерь. В нём всё лето живут тысячи ребят из Норильска. Вот их песенка.

ЛАГЕРЬ В ТАЙГЕ

— Принимай гостей, тайга,
Открывай «Таёжный»!
Отвечают берега:
— Можно... можно... можно!

— Енисей, тебе привет!
Искупать нас хочешь?
И река бурлит в ответ:
— Очень... очень... очень!

— Есть орехи для ребят
На лесных дорогах?
Кедры старые шумят:
— Много... много... много!

Песни в лагерь мы везли,
С нами смех приехал.
И откликнулось вдали
Эхо... эхо... эхо.

В Енисейске мы видели лесопильные заводы и длинные плоты на реке. В Туруханске побывали в домике, где жил в годы ссылки замечательный большевик товарищ Свердлов, и положили цветы у памятника партизанам, сражавшимся за свободу в 1918 году. А потом наш пароход пришёл в Игарку. Здесь стояли морские корабли. Из разных стран, ледовыми морями, они пришли сюда за сибирским лесом.

От самого Туруханска у нас ни разу не было ночи. Там, на Севере, летом стоит сплошной день. Наш художник всё время вырезал и наклеивал новые картинки.

В Дудинке он вырезал высокие краны. Этими кранами разгружают пароходы и баржи. Отсюда тысячи тонн грузов везут через тундру в Норильск по железной дороге.

Потом наш теплоход пошёл дальше на север. Енисей стал широким, как море. Мы едва видели берега. Зато мы увидели льдины. Они плыли по воде и тихонько шуршали, ударяясь в борта теплохода. Нам совсем не страшными показались эти льдины.

Но потом мы встретили атомный ледокол «Ленин». Когда мы увидели этот громадный, могучий корабль, мы поняли, что настоящие полярные льды пострашнее тех, которые встретились нам.

А тут и Енисей кончился. Началось Карское море. Наш теплоход причалил в столице Арктики — в порту Диксон. Мы сошли на остров и пошли в гости к полярникам.

УЧЁНЫЕ КУРЫ

Плавает по Енисею буксирный пароход «Академик И. П. Павлов».

В те годы, когда пароход получил своё имя, числился он в первых рядах буксирного флота, считался красавцем и силачом. Но с тех пор много воды утекло в океан. Новые могучие корабли пришли на большую реку. Буксир «Академик И. П. Павлов» утратил былую славу и стал разгонным буксирчиком на побегушках: там баржонку перетянет, там плот подхватит, там на палубу возьмёт сотню-другую тонн случайного груза.

Года три назад назначили на «Академика И. П. Павлова» нового капитана — Илью Парамоновича Павлова. И так-то славно получилось: пароход «И. П. Павлов» и капитан И. П. Павлов. Нарочно не придумаешь!

Илья Парамонович капитан неплохой — вдумчивый, исполнительный. Дело знает и реку знает. Один грех числился за ним: любил старик разводить кур. Но на пароходе где уж там заниматься курами. В клетках куры плохо живут, на палубе им разгуляться негде, а на берег пускать — так потом и не соберёшь.

Но, как сказано, Илья Парамонович человек вдумчивый и дотошный. Приняв буксир, решил он поинтересоваться: чем же прославился человек, имя которого досталось кораблю? В библиотеке нашёл труды академика Павлова, стал

читать на досуге и, между прочим, вычитал там интересную вещь: оказалось, что если, скажем, собаку кормить по звонку, так она на этот звонок будет за версту прибегать, а на другой звонок и носа не повернёт.

Задумался Илья Парамонович и решил попробовать: нельзя ли и к курам применить эту науку?

Купил он как-то на берегу десяток кур с петухом. Поселил на корме в клетках, а кормить их стал только после второго гудка. А если нужно было кормить в пути, где отходные гудки не требуются, всё равно специально для кур давал и первый гудок, и второй, и третий и до второго гудка, ни-ни, не давал курам корму.

Поплавал он так с месяц, а потом решился — сделал опыт. На одной из малых стоянок, пока чалили баржу, выпустил кур на бережок. Обрадовались куры — разбрелись, гуляют, клюют червяков, в траве роются. Пришло время отходить. Дал капитан первый гудок — куры хоть бы что: клюют себе как ни в чём не бывало, купаются в пыли, будто их это и не касается. Дал Илья Парамонович второй гудок. И что бы вы думали: подхватились куры, спешат, торопятся, крыльями машут — каждая к своей кормушке!

Так и пошло. Теперь у Ильи Парамоновича целая птицеферма на корме. Как стоянка — все куры на берег. Как второй гудок — все по местам.

Речники смеются: «Ишь, старый куровод, что придумал!» А на буксире матросы по утрам жарят яичницу, в обед куриную лапшу варят и хвалят своего капитана. А был бы жив сам академик Павлов, и он бы, наверное, похвалил хитрого капитана.

ГОРОД НОРИЛЬСК

Про Норильск я разное слышал. Одни говорили, что там разные руды добывают и уголь, что там заводов много, а вообще-то город как город — жить можно. А другие пугали, что зимой там вздохнуть нельзя — такой холодище, что там ночь по полгода, а летом кругом на сотни километров тучи гнуса, комарьё, болота...

И вот прошлой зимой пришлось мне самому побывать в Норильске.

Прилетели мы ночью. С воздуха я ничего не увидел, кроме огней, а когда вышел из аэропорта к машине, решил, что пугали меня не зря. Мороз был страшенный — такой, что и вправду не вздохнёшь. Снег под ногами лежал твёрдый, как кирпич. Шестиметровые сугробы стеной стояли вокруг аэродрома, и в одном сугробе был прокопан узкий коридор, чтобы ездить.

«Вот так город! — подумал я, пока мы ехали. — Как тут люди живут, как работают?»

Потом показались домики, потом большие дома, на улицах фонари дневного света и никаких сугробов — всё расчищено. Потом на площадь выкатила наша машина. И тут я как-то сразу забыл, что я в заполярном Норильске. Похоже было, что я в Москве в самом центре или где-нибудь возле Невского в Ленинграде. Большие красивые дома стояли вокруг, автобусы были такие же, как в Москве, газеты продавали в киосках, спешили в школы ребята.

Потом мне и заводы показали, и шахты, и разрезы, где прямо с поверхности берут богатые руды. Я всё ходил и старался представить себе, сколько же труда положили люди, чтобы создать все эти заводы и красивые дома, и просторные площади, и школы, и кино, и телецентр, и бассейн для плавания, — построить всё это в самом сердце сибирской заполярной тундры.

Сюда, в Норильск, люди не на месяц, не на год приезжают. Многие навсегда приехали сюда. Значит, не только работать — жить здесь нужно людям. А там, где живёт советский человек, всё у него должно быть: чтобы и трудиться, и отдыхать, и учиться.

А. НЕКРАСОВ

Стихи Я. АКИМА

Аппликации и рисунки Е. МОНИНА

ТРИТУТИК В ШКОЛЕ

Л. ЛАГИН
Рис. Е. МИГУНОВА

Тритутик сказал:

— Ваня, а Ваня! Взял бы ты меня в школу, мне интересно посмотреть, как это в школах учатся.

Ваня говорит:

— Ладно, полезай в мой портфель.

Тритутик говорит:

— Лучше я в кармане твоего полушубка устроюсь.

Залез в карман, уцепился руками за его верхний край, голову наружу высунул и смотрит, что снаружи делается.

Только стал Ваня к школе подходить, нагоняет его Боба Болдырев.

— А-а-а, — говорит, — Ванька! Что это у тебя за кукла из кармана торчит? Первого мальчика вижу, чтобы в куклы играл.

Ване бы промолчать, да захотелось похвастаться.

— Это, — говорит, — никакая не кукла. Это, брат, самый настоящий Тритутик! — и вытаскивает Тритутика из кармана.

Тритутик сразу снимает свою шапочку и вежливо здоровается:

— Здравствуй, мальчик, как поживаешь?

Боба отвечает:

— Не твоё дело, как я поживаю. От горшка два вершка, а тоже лезет с расспросами!

Ваня говорит:

— Скажите, пожалуйста, какой гордый! Да Тритутик любой урок знает лучше нас с тобой! А ну, Тритутик, что нам сегодня задано по русскому устному?

— «Зимний вечер». Стихотворение Александра Сергеевича Пушкина, — отвечает Тритутик.

Боба Болдырев говорит:

— Ха! Название стихотворения даже я могу запомнить, если захочу. Вот пусть он попробует само стихотворение рассказать!

Тритутик говорит:

— Пожалуйста. «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя. То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя».

Боба немножко помолчал и говорит:

— Ваня, а Ваня! Отдай мне на сегодняшний день Тритутика!

Ваня даже рассердился:

— Да ну тебя! Разве друзей дают взаймы?!

Пришёл в класс, сел за парту, а Тритутика устроил на парте, в ямке для чернильницы, чтобы ему было видно всё, что делается в классе. А чтобы самого Тритутика никто не приметил, Ваня его сверху легонько прикрыл промокательной бумажкой. Потом Ваню вызвали к доске. Он ответил урок, возвращается обратно. Смотрит, а Тритутик пропал.

Тем временем вызывают к доске Бобу Болдырева.

Учитель спрашивает:

— Ну как, Болдырев, выучил стихотворение?

Боба говорит:

— Вы-вы-выучил.

— Ой-ой-ой! — тихо застонал кто-то в верхнем кармане Бобиной куртки. — Ой, щека!..

Это Боба спрятал там Тритутика, чтобы он ему оттуда подсказывал. А у Три-

тутика, как только кто-нибудь при нём врал, щека ужас как раздувалась.

Ждал-ждал от него Боба подсказки. Так и не дождался. Пришлось кое-как начинать самому. Вот он и начал:

— «Зимний Пушкин». Стихотворение Сергея Александровича Вечера... Кхм, кхм... Нет, кажется, не так! Кхм! «Пушкин вечер». Стихотворение Сергея Александровича Зимнего. Кхм, кхм!.. Небо мглоет, буря кроет... Небо кроет, буря мглоет... Кхм, кхм!... Звери плачут, дети скачут... Что-то кошка к нам стучит. Друг соломой зашуршит... Друг соломой, друг соломой... Фёдор Степанович! Я всё забыл!.. Я выучил, но забыл... У меня живот болит и ещё... и ещё... и ещё у меня дедушка умер... Вот что!

— Постой, постой, — говорит учитель. — Давай, Болдырев, разберёмся. Один дедушка у тебя умер в прошлом году, один, когда ты во втором классе на второй год остался. Итого — два дедушки. А какой это дедушка?

Боба даже глазом не моргнул.

— Это, — говорит, — у меня уже третий дедушка умер.

Врёт, а сам рукой тискает свой карман, чтобы Тритутик не так громко стонал.

— Ты чего чешешься? — спрашивает учитель. — Этого ещё не хватало! Перестань чесаться! И стонать перестань!

А это совсем не Боба. Это Тритутик стонал.

Видит Боба: заврался! А главное, он только сейчас вспомнил, что чем больше он врёт, тем громче будет стонать Тритутик. Тогда Боба стал скучный-скучный и говорит:

— Простите меня, Фёдор Степанович. Это я всё наврал. Просто я не выучил урока.

Тотчас же стон прекратился, и карман перестал топорщиться.

Учитель говорит:

— Так бы сразу и сказал. Иди на место.

Он поставил Бобе единицу и вызвал другого ученика.

А Боба во время перемены подошёл к Ване и подал Тритутика:

— Получай обратно своё сокровище. Я думал, он мне подскажет, а он только разохался на весь класс.

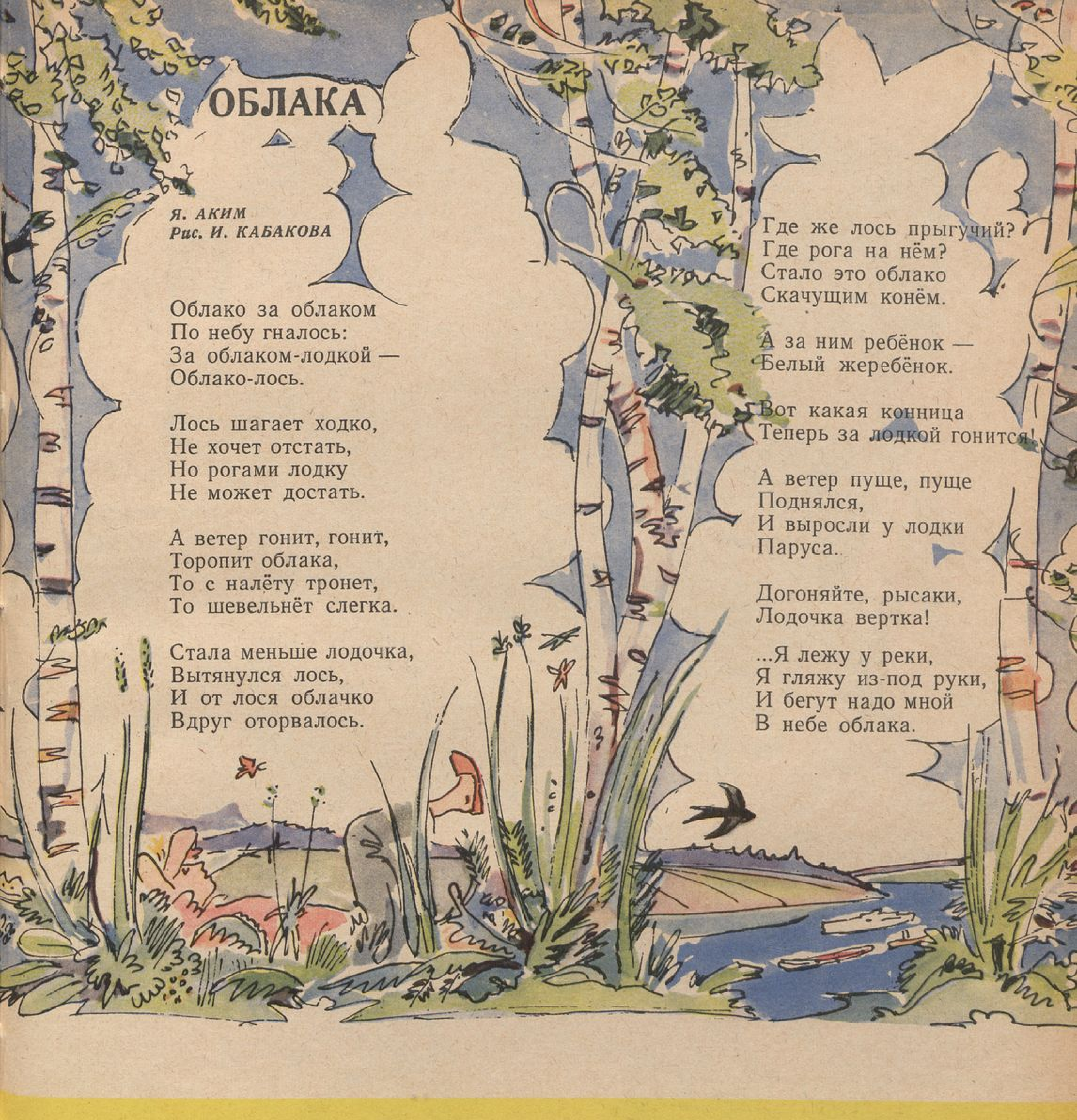
Тритутик приподнял свою шапочку, поклонился и говорит:

— До свидания, мальчик Боба Болдырев! Желаю тебе успехов в учебе... А то... а то у тебя дедушек не хватит...

Боба хотел было немножко поругаться, но вошёл учитель и начался второй урок.

ОБЛАКА

Я. АКИМ
Рис. И. КАБАКОВА

Облако за облаком
По небу гналось:
За облаком-лодкой —
Облако-лось.

Лось шагает ходко,
Не хочет отстать,
Но рогами лодку
Не может достать.

А ветер гонит, гонит,
Торопит облака,
То с налёту тронет,
То шевельнёт слегка.

Стала меньше лодочка,
Вытянулся лось,
И от лося облачко
Вдруг оторвалось.

Где же лось прыгучий?
Где рога на нём?
Стало это облако
Скачущим конём.

А за ним ребёнок —
Белый жеребёнок.

Вот какая конница
Теперь за лодкой гонится!

А ветер пуще, пуще
Поднялся,
И выросли у лодки
Паруса.

Догоняйте, рысаки,
Лодочка вертка!

...Я лежу у реки,
Я гляжу из-под руки,
И бегут надо мной
В небе облака.

На обложке рисунок Пети Бабкова, 12 лет, г. Житомир

Редактор **А. МИТЯЕВ**

Редколлегия: **З. Александрова, А. Барто, Л. Виноградская, Л. Воронкова, А. Ермолаев, Н. Емельянова, Е. Ершова** (зам. редактора), **М. Коршунов, Ю. Коринец, С. Маршак, Ю. Нагибин, К. Орлова** (ответственный секретарь), **Е. Рачёв**

Художественный редактор **Ю. Молоканов** Технический редактор **Л. Прозорова**

Год издания тридцать седьмой. Цена 10 коп. Подп. к печати 17/VIII 1961 г. Бумага $60 \times 92^1/_8$. Печ. л. 3 (3). Уч.-изд. л. 2,8. Тираж 1 000 000 экз. Заказ 1320.

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-55, Сущёвская, 21. Телефон: Д 0-45-08.

Рассеянный Вова собрался в школу, а кран не закрыл. Вода перелилась через край и уже хлещет на пол. Мурзилка побежал закрывать кран. Он быстро добежит. Вы не беспокойтесь, в нижние этажи вода не протечёт.

А нет ли за Вовой ещё каких грехов? Посмотрите на картинку повнимательней.

Ребята! Нарисуйте, какими инструментами работают эти мальчики.